

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СУАХИЛИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ: СТРАНОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Майя НИКОЛЬСКАЯ
МГИМО МИД России

Аннотация: Суахили – восточноафриканский язык группы банту, насчитывающий в среднем около 150 млн носителей первого и второго уровня, т.е. тех, для кого он является родным или одним из языков уверенного владения. Основным ареалом его распространения традиционно принято считать три страны – Танзанию, Кению и Уганду, которые в колониальный период (с начала 1920-х гг.) входили в Британскую Восточную Африку. В настоящий период эти страны, в силу историко-культурной общности, географического соседства и стремления к интеграции, могут считаться ядром восточноафриканского региона. Логично предположить, что позиции единого языка должны были укрепляться, однако статус, функции и распространенность суахили в трех странах отличаются. Цель настоящей статьи – выявить причины существующих различий и определить, есть ли у суахили потенциал стать инструментом региональной политической коммуникации и интеграции.

Ключевые слова: языковая политика, Восточная Африка, идентичность, национально-государственное строительство, интеграция, суахили

Суахили как объект политических исследований

Исследователь национализма Р. Брубейкер отмечал, что язык и религия выступают одновременно основным источником и формой социальной, культурной и политической идентификации и самоидентификации социальных групп и обычно воспринимаются как конституирующее начало большинства этнических и национальных идентичностей (Brubaker, 2013). При этом в современных условиях язык, в сравнении с религией, политизируется более глубоко

Майя Викторовна Никольская – преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков, младший научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-3160-112X. E-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 19.07.2023

Принята к публикации: 01.10.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

и системно: общественная жизнь может совершаться без религии, но не без языка (Brubaker, 2013). Последнее означает, что правила и практики, регулирующие языковую сферу, оказывают непосредственное воздействие на интересы людей с различным языковым репертуаром.

Языковая политика играет важную роль в управлении конфликтогенностью, порождаемой этнолингвистической неоднородностью. В условиях политического процесса в Африке, где в большинстве случаев присутствуют лишь отдельные структуры национального государства в его классической интерпретации, а этнический и языковой состав населения отличается сложностью, выбор в пользу монолингвизма не всегда бывает целесообразным и оборачивается, как правило, «форсированием национальной унификации и стандартизации» (Метаморфозы разделенных обществ, 2020). Как подчеркивает В. Тишков, в таких условиях попытки «переделывать народ под государство» ведут к новым проблемам и кризисам (Тишков, 2016). Вместе с тем задачи развития политической коммуникации, повышения качества государственного управления и региональной интеграции актуализируют вопрос об *объединяющем языке*, который периодически выносится на повестку дня многих африканских стран. В качестве одного из таких языков наиболее перспективным выглядит суахили.

С момента образования независимых государств в Восточной Африке суахили неоднократно попадал в поле зрения восточноафриканских ученых. К числу наиболее авторитетных исследователей относятся А. Мазруи, Ш. Чирагдин (Танзания), Н. ва Тхионго, Ф. Ираки (Кения), изучавшие исторические корни трансграничной суахилийской идентичности. Пик их деятельности пришелся на ранний постколониальный период (1960–1970 гг.). Как правило, язык и языковая политика рассматривались ими в афрооптимистическом и panaфриканском ключе: идея о том, что суахили может стать объединяющей деколонизирующей силой, находила отклик у политических элит восточноафриканских государств.

Новая волна интереса к политическому измерению суахили приходится на 2000–2020 гг., что связано с восстановлением исторических связей между Танзанией, Кенией и Угандой. В это время выходят в свет аналитические публикации и программные документы, указывающие на значение языка для региональной интеграции, мира и безопасности (Chacha, 2002; Kishe, 2010; Brandberg, 2021). Вслед за британским ученым Р. Филлипсоном концепция лингвистического империализма, предполагающая «деколонизацию умов» через избавление от англоязычного наследия, была подхвачена Ф. Нджуби, М. Каренгой, М. Мулокози, Х. Маршадом и другими восточноафриканскими исследователями.

Тема суахили затрагивается и в трудах отечественных ученых. Так, Р. Касимов и М. Акулич упоминают его в контексте концепции *ареальных языков* – наднациональных, но не общемировых (Касимов & Акулич, 2022). Как они отмечают, ареальная языковая политика направлена в первую очередь на инклюзию «новоговорящих», которую подпитывает рост политической,

экономической, культурной привлекательности «стержневого» государства. О формировании своеобразных *речевых сообществ* «новоговорящих», как характерной черте незападных государств, пишет и Н. Мухарямов: по его мнению, в отличие от национальных языков в жестких рамках государств-наций, подобные сообщества адекватно отражают реальную картину культурно-языкового плюрализма (Мухарямов, 2017). Автор настоящей статьи в своей более ранней работе обосновала преимущества плюрилингвальной модели с присутствием африканских языков, в т.ч. суахили, для постконфликтного общества Руанды (Никольская, 2022).

В данной работе предлагается взгляд на суахили как на инструмент конструирования политического, коммуникативного и социокультурного пространства странового и регионального уровней. Автор исходит из того, что изначально суахилизация рассматривалась Танзанией, Кенией и Угандой как часть национально-государственного строительства, и предпринимает попытку разобраться в причинах разной результативности заявленных стратегий в каждом рассматриваемом случае. На основе сравнительного анализа современного положения суахили в трех странах сформулирована оценка роли языка в процессах региональной политической коммуникации и интеграции. Исследование выполнено в русле идентичностного, структурно-функционального и компаративистского подходов.

Танзания: на стыке суахилийской культуры и африканского социализма

Главной страной суахилийского «ядра» по праву можно считать Танзанию. Ее кейс во многом уникален. Отсутствие исторических государственных образований в континентальной части – Танганьике – за исключением, пожалуй, *Шамбаа* (по названию одноименной этнической группы), помогло достаточно быстро подавить трайбалистские настроения на заре независимости (Kavina, 2020) и пресекло развитие менее крупных автохтонных языков. Официальная политика германских властей, которые поддерживали суахили как средство межэтнического общения, подготовила почву для его продвижения в качестве национального и официального языка Танзании в постколониальную эпоху. Накануне деколонизации вопрос о повышении статуса суахили неоднократно поднимался местными политическими активистами. Под давлением партии «Танганьикский национальный союз» (ТАНУ), озвучившей требование ряда племенных ассоциаций придать суахили статус второго языка Законодательного совета Танганьики¹, британская администрация в 1955 г. была вынуждена пойти на уступки. ТАНУ также призывал перевести преподавание в начальной школе на африканский язык, но этого не произошло.

¹ Эта позиция была поддержана советским представителем в СБ ООН.

В постколониальный период суахили в Танзании обрел второе дыхание, прежде всего, благодаря первому президенту страны Дж. Ньерере. Сам Ньерере был одним из немногих восточноафриканских интеллектуалов, на протяжении всей политической карьеры выступавших в поддержку суахили на всех публичных площадках. Он также публиковался на нем в партийной газете *Sauti ya TANU*, тем самым опровергая укоренившиеся предрассудки о «примитивности» и «нецивилизованности» суахили и его несовместимости с языком политики и ораторского искусства. Первая его речь перед парламентом молодого независимого государства в 1962 г. была произнесена именно на этом языке. Никакого официального запрета на прения на английском не последовало, но моральный авторитет президента был столь велик, что по сей день практически любая полемика в законодательном органе остается суахилиязычной, хотя законы по-прежнему издаются на английском. В многочисленных выступлениях президента и других официальных лиц неоднократно подчеркивалась роль суахили как воплощения танзанийской идентичности и как национального языка, имеющего большую символическую нагрузку.

Начавшийся вслед за этим перевод школьного обучения, парламентских слушаний, работы министерств и ведомств на суахили на протяжении 1960–1980-х гг. происходил в ущерб остальным 120 автохтонным языкам Танзании. Для сопротивления государственной политике местным вождям не хватало ни ресурсов, ни координации действий. К тому же вымывание английского из политического дискурса и повседневной жизни подавалось в антиколониальном русле, что пришлось по душе многим радикальным африканским националистам: разработанный идеологами ТАНУ образ *kasumba* – опиума – в тот период прочно соединил английский язык с рудиментами колониального мышления. Эти меры способствовали объединению многочисленных, не связанных друг с другом социальных групп в политическое сообщество в новых государственных границах (Rivkin, 1969). По сути, основой этого процесса стала интеграция суахилийской культуры с ее эгалитаристскими и коллективистскими ценностями в государственную идеологию «социализма с африканским лицом» – *уджамаа* (Bondarenko, 2021), которая получила оформление в тексте Арушской декларации 1967 г. и Лидерском кодексе ТАНУ (*Mwongozo wa TANU*).

История показала, что эксперимент Ньерере, аналогов которому на африканском континенте нет, оказался успешным. Использование африканского языка на национальном и региональном уровне способствовало как горизонтальной консолидации между разными этническими группами, так и вертикальной – между массами и элитой (Mazrui and Tidy, 1984). Кроме того, танзанийские лидеры небеспочвенно видели в едином африканском языке действенный катализатор процессов модернизации и развития (Mazrui & Tidy, 1984). С момента обретения независимости в стране не зарегистрировано ни одного сколько-нибудь интенсивного конфликта на межэтнической почве, что выглядит для Африки беспрецедентным случаем. Танзания не просто служит

примером национального мира и стабильности в восточноафриканском регионе, но и стала одной из наиболее стремительно развивающихся экономик (Faksvåg Haugen, 2022).

Независимо от этнической принадлежности, «отменить» которую правительство Ньерере не стремилось (в отличие, например, от Руанды при П. Кагаме), танзанийцы отождествляют «танзанийскость» с «суахилийскостью»: *«Быть танзанийцем – значит говорить на суахили»* (Bondarenko, 2021). При этом слово *ukabila*, которое изначально передавало просто этническую принадлежность, за годы независимости приобрело значение «трайбализм». Несмотря на отказ от *уджамаа* в 1995 г., наследие Дж. Ньерере оказалось настолько мощным, что каркас суахилийской идентичности в Танзании устоял даже перед лицом масштабной политической и экономической либерализации, инициированной при президенте А. Мвиньи. В силу объективных причин языковая политика в 1990–2000 гг. опустилась значительно ниже в списке приоритетов танзанийской элиты, но принципиальных изменений не претерпела.

Помимо задач национальной консолидации, руководство страны с разной степенью настойчивости позиционирует суахили в качестве основы для региональной интеграции, а потенциально – экспансии влияния на panafricanском уровне. Впервые такие идеи появились накануне независимости и в ранний период постколониального развития. *«Восточноафриканская федерация может быть создана через объединение трех стран, и способствовать этому должен единый язык – суахили»*, – утверждал Ньерере в ходе своей поездки в США в 1960 г. Выходу языка за пределы «домашней» для него восточноафриканской зоны способствовало, хотя и непреднамеренно, национально-освободительное движение: танзанийские военные оказывали поддержку народам Зимбабве, Анголы, Намибии и Мозамбика. В свою очередь, многие из бойцов, в частности, Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), долгое время жили в танзанийских городах Морогоро, Багамойо, Додома и Начингвея (Newitt, 1995) и по возвращении на родину становились «послами» суахили и суахилийской культуры.

В 1967–1977 гг. первая итерация Восточно-африканского сообщества (ВАС), объединившего Танзанию, Кению и Уганду, ознаменовалась попыткой установить правовые и институциональные рамки суахилизации. В частности, в учредительном договоре Сообщества содержалось обязательство развивать суахили в качестве *lingua franca* ВАС; для этой же цели была создана Восточноафриканская комиссия по языку суахили. Вместе с тем подлинное осознание внешнеполитического потенциала суахили началось лишь с ренессансом восточноафриканской интеграции во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. и набирало обороты по мере смены танзанийских администраций. Укрепление и продвижение позиций суахили справедливо приписывается кабинетам Дж. Киквете (2005–2015), Дж. Магуфули (2015–2021) и особенно С. Хасан (2021–наст.вр.).

Новый всплеск интереса обусловлен не только и не столько внутригосударственными задачами, сколько стремлением Танзании замкнуть на себя восточно-африканское пространство. С включением в группировку в 2007 г. Руанды и Бурунди, в 2013 г. Южного Судана и в 2022 г. Демократической Республики Конго, танзанийское руководство начало предпринимать более активные попытки по популяризации языка в рамках Сообщества. В этом смысле показательно предписание президента С. Хасан танзанийским дипломатическим миссиям организовать в рамках празднования Всемирного дня суахили в 2022 г. курсы суахили для иностранцев при загранучреждениях, а также добиваться признания его официальным языком в странах региона и ведущих международных организациях. На сегодняшний момент Танзания стремится к статусу «суахилиговорящей страны номер один», единственной в своем роде в Африке: ни одному другому государству на континенте не удалось сделать свой автохтонный язык национальным, укрепить его позиции в регионе и уравнивать в статусе с другими мировыми языками.

С 2021 г. во внутренней политике страны также были предприняты шаги в направлении суахилизации, причем наиболее весомые из них пришлось на президентство С. Хасан. Первое ее постановление на новом посту – Акт №1 от 2021 г. – предусматривало необходимость суахилизации всех судебных процедур. В 2022 г. президент предписала ускорить дублирование на суахили национального законодательства, также планируется исключить из практики внутреннюю переписку на английском языке между танзанийскими государственными ведомствами. Анонсировано начало строительства университета в г. Багамойо, который будет специализироваться на изучении и развитии суахили.

Кения: урбанизация и гибридизация языка

Как и в Танзании, в Кении суахили формирует пространство коммуникации между разрозненными этнолингвистическими группами. Вместе с тем в случае Кении оно оказалось гораздо более разреженным в силу двух факторов: мощного этнополитического самосознания отдельных крупных народов, особенно *кикуйю*, и языковой политики британских властей. Последняя реализовывалась преимущественно в двух сферах: управления и образования. Вплоть до самой независимости языковая политика выглядела непоследовательной, что было обусловлено необходимостью балансировать между интересами белых поселенцев – христианских миссионерских сообществ, рассматривавших язык как форму прозелитизма – и колониальной администрации при одновременном сдерживании этнонационалистических тенденций. В разные периоды колониального правления в кенийском образовании попеременно доминировали то английский, то суахили при сохранении роли местных языков.

При этом возникшая комбинация языков была далека от симбиоза: при колониальной администрации ключом ко многим профессиональным и социальным позициям служило владение английским на высоком уровне, и этот

критерий сохраняет свою актуальность. Англизация создавала вертикальную мобильность: в силу отсутствия автохтонных политических образований – в отличие от, например, соседней Уганды – стать частью элиты в Кении было вполне реально, минуя промежуточные фильтры: первыми по-английски заговорили не вельможи и сановники, а дети ремесленников и рыбаков (Post-Imperial English..., 1996), которые позже вошли в состав кенийского руководства. Суахили же стал языком широких слоев населения, особенно в городах, что контрастирует с ситуацией в Танганьике, где язык был распространен в основном в сельской местности (Whiteley, 1969). В 1950-х гг. в Найроби выходило больше суахилиязычных газет, чем в Дар-эс-Саламе, но конкуренция с другими языками была более явной: например, газета партии Национальный союз африканцев Кении (КАНУ) издавалась сначала на суахили, но впоследствии также на языках крупных народов Кении – луо, кикуйю и камба (Merritt and Abdulaziz, 1985).

Суахили был объявлен национальным языком практически сразу после провозглашения независимости², а «золотой век суахили» пришелся на период 1974–1979 гг. и отнюдь не случайно совпал по времени с восточноафриканской интеграцией. Именно тогда произошел перевод парламентских прений в Кении на суахили. Однако в дальнейшем импульс восточно-африканского объединительного движения начал ослабевать. Выбор странами принципиально разных политэкономических моделей и государственных идеологий, на который наложились противоречия между лидерами Танзании, Кении и Уганды, приводившие порой к острым кризисам, создал дистанцию и в языковой плоскости. В разгар политики *уджамаа* в соседней Танзании в 1970-х гг. при президентах Дж. Кеньяте и Д. Мои Кения окончательно определилась с капиталистической ориентацией, подавив промарксистские и социалистические фракции внутри правящей партии КАНУ, одновременно отказавшись от политики неприсоединения в пользу сближения с западным миром, страны которого рассматривались прежде всего как доноры помощи развитию.

Зеркалом этих процессов стала языковая картина. Несмотря на сохранение за суахили статуса обязательного предмета в начальной и средней школе, в результате работы образовательных комиссий П. Гачати (1976 г.) и К. Маккея (1981 г.) в качестве приоритетного языка обучения в Кении укрепился английский. Активная внешняя политика президента Мои, направленная на ребрендинг имиджа Кении на международной арене, способствовала вестернизации общественного сознания: если раньше англоязычие было просто пропуском в большой мир, то теперь особенно привлекательно стала выглядеть сама западная модель развития. При этом строительство политических институтов по британскому образцу не могло преодолеть барьер «примордиальной общности» (Ekeh, 1975): связка этнос – язык – территория

² В статье применительно к языку используется слово «национальный», вместо «государственный», поскольку более точно отражает социокультурные смыслы, вкладываемые в слово *ya kitaifa* (суах.) / *national* (англ.).

оставалась настолько мощной, что довлела и над самим руководством страны. Это отчетливо прослеживалось на примере трайбалистской внутренней политики Кеньятты и Мои, опиравшимися соответственно на народы *кикуйю* и *календжин* (Orvis, 2001).

В результате можно говорить о формировании в Кении двух параллельных политических идентичностей: одной – западного образца, а другой – традиционной этнической. Их носители соприкасались в крупных городах, где появлялась возможность навести между ними мосты. Одним из таких мостов стал суахили, точнее, его кенийская вариация. По мере притока в агломерации, особенно в Найроби, представителей разных этнических групп, в среде городской молодежи с 1970-х гг. складывался гибридный язык на основе суахилийской грамматики и лексики с обильными вкраплениями английского и местных языков – *шенг*. К 2010–2020-м гг. этот некогда новомодный жаргон трансформировался в способ самовыражения для целого поколения кенийцев, став языком социально-политического протеста.

В этот период наблюдался настоящий бум произведений специфической контркультуры «дельцов» *“hustlers”*: песни и клипы *Sauti Sol “Tujiangalie”*, *King Kaka “Wajinga Nyinyi”*, *Monaja “Ukombozi”* и других, получавшие широчайший общественный резонанс. «Дельцы» – это молодые кенийские горожане из бедных районов с активной жизненной и гражданской позицией, проявляющие все больше недовольства в отношении несправедливых в их представлении цензов и жестких границ, существующих в обществе: между традицией и современностью, сельской и городской жизнью, этнической и формирующейся национальной идентичностью. В этом смысле *шенг* – сопутствующий продукт перехода от этноплеменной идентичности к социально-классовой, который в современной Кении происходит весьма болезненно, но тем не менее представляется неизбежным.

Специфическая ниша, которую занимает суахили в политической жизни Кении, заставляет задуматься, почему он так и не стал *национальным* языком в той же степени, как в Танзании, несмотря на аналогичный статус *de jure* по конституции 2010 г. (в документе отдельно выделена категория официальных языков, к которым отнесены суахили и английский)³. Помимо этнополитической специфики, в Кении всегда наблюдалось сопротивление суахили, поскольку монополию на стандартизацию и определение канонов использования языка с первых постколониальных лет узурпировала Танзания. Сама история суахили написана и концептуализирована преимущественно танзанийцами; первые исследования кенийских авторов стали появляться гораздо позже. До сих пор в частных беседах образованные кенийцы признаются, что им комфортнее общаться на английском, поскольку считают свой уровень владения суахили несовершенным.

³ Constitution of Kenya, 2010 (n.d.). Available at: <http://kenyalaw.org/lex/actview.xhtml?actid=Const2010> (accessed July 14, 2022).

Такое неравенство в отношении общего восточно-африканского наследия созвучно давнему противостоянию между Кенией и Танзанией, их соперничеству за лидерство в Восточной Африке, которое находит свое выражение в имиджевой составляющей: если первая позиционирует себя как локомотив линейного развития, живое доказательство того, что африканские страны могут успешно следовать западным образцам, то вторая больше склонна апеллировать к «африканскости», переосмыслению традиционных ценностей и их интеграции в современность – сродни *санкофизму*⁴ в Западной Африке.

Немаловажным представляется и тот факт, что изначальное суахилийское «ядро» – прибрежные города-государства Ламу, Момбаса, Пате, Малинди, Геде – сегодня находятся на географической и политической периферии Кении, и их «отдельность» прекрасно осознается местными жителями: *Pwani si Kenya*⁵, как гласит распространенная поговорка. Более того, если президент У. Кеньятта (2013–2022 гг.) сам в некотором роде был символом суахилийских культурных связей, поскольку часто выступал на этом языке как внутри страны, так и на уровне региона, то его преемник У. Руто гораздо чаще использует английский и шенг. Таким образом, суахили в Кении – скорее проводник общественно-политических интересов «снизу», нежели инструмент политики государства.

Уганда: суахили как заложник дурной репутации

Впервые на территорию нынешней Уганды суахили оказался занесен торговыми караванами и закрепился там в период германского правления в регионе. Дальнейшую судьбу языка во многом предопределили особенности формирования угандийского государства, включившего в свой состав территории централизованных государственных образований с устойчивой идентичностью, традиционно называемых королевствами (Буганда, Буньоро, Тооро, Анколе и Бусога). В своих географических пределах они были практически моноязычными, что исключало возможность повсеместной суахилизации населения, хотя суахили и использовался как средство коммуникации с иноземцами в Буганде и Буньоро. В связи с этим в конце 1920-х – начале 1930-х гг. британской администрацией было принято решение о введении принципиально иного языкового режима по отношению к Буганде, а позже и к угандийскому протекторату в целом. Вместо суахили, который активно использовался в Кении и Танганьике, а также априори на Занзибаре, в качестве макропосредника был выбран луганда – язык наиболее сильного и влиятельного из королевств, Буганды, который стал обязательным предметом в средней школе (Nyaigotti-Chacha, 1987) так же, как и суахили на двух соседних восточноафриканских территориях. Решение оттеснить суахили на второй

⁴ Санкофизм – направление в философской мысли Западной Африки, провозглашающее необходимость возвращения к (африканским) истокам во имя движения вперед.

⁵ Побережье (Индийского океана) и Кения – не одно и то же (суах.).

план было во многом инспирировано католическими миссионерами, которые видели в нем угрозу из-за его связи с мусульманской культурой и активно лоббировали маргинализацию суахилиязычного населения.

В колониальный период стимулов изучать суахили было немного. Ареал его распространения был ограничен в географическом плане восточной и юго-западной периферией, а в профессиональном – преимущественно военными и полицией, так как именно на нем осуществлялась подготовка объединенных вооруженных сил в Британской Восточной Африке. До антианглийского мятежа 1897 г. костяк угандийской армии составляли суданские рядовые и британские офицеры, а после него ее пополнили суахилиговорящие восточноафриканцы (Hanlon, 2014). Для тех, кто был заинтересован в социальном росте в рамках колониальной иерархии за пределами силовых структур, суахили был и вовсе бесполезен.

Тем не менее после обретения независимости в Уганде на волне подъема национализма был достаточно силен настрой на то, чтобы утвердить суахили в статусе национального (государственного) языка. Но и противников этой идеи было немало: представители титульного народа ганда опасались перераспределения властных ресурсов в пользу суахилиговорящих страт (Nyaigotti-Chacha, 1987). На протяжении нескольких лет после деколонизации ни концептуальные основы, ни последовательные меры языковой политики не разрабатывались в принципе: правительство фактически предпочло пустить этот вопрос на самотек. По мнению Д. Бондаренко, в этот период возникла опасность если не раскола, то разделения страны на два противоборствующих лагеря: лугандаговорящих и суахилиговорящих, причем первый вполне мог бы стать очагом трайбалистского национализма (Bondarenko, 2021). Поэтому единственной возможной языковой политикой для правящей элиты Уганды выглядела опора на английский. Именно он стал той константой, которая объединяла людей с разным этнолингвистическим бэкграундом. В итоге в 1967 г. правительство М. Оботе окончательно утвердило в статусе официального языка английский, так и не решившись на бантусскую альтернативу. В реальности на тот момент англоязычной была лишь незначительная часть угандийцев.

Кардинальные изменения в языковой политике Уганды произошли лишь при диктатуре И. Амина. Результаты референдума 1973 г., на котором населению был предложен выбор между суахили и луганда в качестве национального языка, оказались не самыми однозначными: 60% выступили за суахили, 40% – против. Тем не менее уже 7 августа 1983 г. суахили был утвержден в новом статусе. Эти меры принимались в рамках курса угандийского руководства на усиление африканского национализма и попыток максимально дистанцироваться от бывшей метрополии. Как известно, именно тот человек, который дал суахили *de jure* новую жизнь, больше всех запятнал его репутацию в Уганде. Оставаясь в первую очередь языком силовых структур, суахили

превратился в символ статусности и власти, но одновременно – произвола, насилия и репрессий. После падения режима Амина в 1979 г. язык на долгие годы потерял популярность.

Лишь в 2005 г. с внесением в конституцию соответствующей поправки суахили стал вторым официальным языком – наряду с английским. Одним из главных мотивов постепенного и осторожного возрождения суахили в Уганде стало укрепление отношений с партнерами по Восточноафриканскому сообществу: из пяти стран, с которыми граничит Уганда, четыре – в разной степени суахилиговорящие. Вместе с тем суахили, как, впрочем, и английский, является своего рода компромиссной языковой надстройкой для разных языковых сообществ, в частности, для луо и руньякитара, не готовых к доминированию луганда (Isingoma, 2016). Кроме того, «плотность» распространения английского в Уганде невелика, что создает дополнительные сложности с точки зрения использования его в качестве средства коммуникации в административной и коммерческой среде.

В конце 2010 – начале 2020-х гг. администрация Й. Мусевени с большей методичностью приступила к суахилизации страны, что укладывалось в повестку угандийского руководства, выступающего за борьбу Африки с неколониальными узами. Так, на Дне африканской интеграции 4 июня 2021 г. Президент призвал всех африканцев использовать суахили как способ объединения континента, заявив, что это *«нейтральный язык, который не принадлежит никому конкретному»*.

Помимо имиджа флагмана деколонизации всей Африки, бесспорным и очень ощутимым бонусом суахилизации для угандийского лидера стала поддержка партнеров по интеграционной группировке. Недовольство западных стран – традиционных доноров Уганды – позицией Й. Мусевени по правозащитной тематике и украинскому кризису, как и протесты против его почти единоличного правления внутри страны, подталкивают президента к поиску опоры в ВАС, в частности, в лице Танзании, наиболее последовательно продвигающей суахилийскую повестку. Реализация таких важных совместных проектов, как восточноафриканский нефтепровод (EACOP), делает суахилизацию хоть и вспомогательным, но важным треком двусторонних отношений. В свою очередь, Додома готова идти навстречу своим партнерам: *«Правительство Танзании всецело готово поддерживать Уганду в развитии и изучении языка суахили, включая техническую помощь»*, – заявила глава танзанийского МИД С. Такс во время празднования шестидесятилетия независимости Уганды в 2022 г.

Памятуя об историческом прошлом, правительство проводит процесс суахилизации осторожно и неагрессивно. На текущем этапе речь идет о внедрении разработанных еще в 2017 г. учебных программ среднего школьного образования, в которых суахили присутствует в качестве обязательного

предмета, а также об обучении ему высших государственных чиновников⁶. Эти инициативы стали следствием соответствующего решения кабинета министров в июле 2022 г. в качестве знака реализации директивы XXI саммита ВАС, провозгласившей суахили официальным языком Сообщества. Проникновение суахили в угандийскую среду вряд ли в ближайшие годы станет глубоким и повсеместным, но наверняка будет способствовать упрочнению деловых связей, особенно на уровне малого и среднего бизнеса, где предприниматели зачастую не владеют английским. Можно рассчитывать, что суахили поможет угандийским предпринимателям наладить коммуникацию с контрагентами из других стран Восточной Африки.

Суахили в Танзании, Кении и Уганде в сравнительном контексте

При сравнительном анализе роли суахили в трех рассматриваемых странах уместно обратиться к классификации кенийского исследователя Дж. Кинг'еи, который выделяет шесть политических функций языка: экспрессивную (самовыражение и идентификация на внутригрупповом уровне), коммуникативную, объединительную, идентификационную (отмежевание от «другого»), партиципаторную (реализация политического участия) и статусную (King'e, 2018). В свете приоритетов развития стран восточноафриканского ядра автор настоящей работы счел возможным модифицировать эту классификацию следующим образом:

1. Экспрессивно-идентификационная функция: язык выступает символом культуры и коллективной идентичности;
2. Коммуникативная: язык обеспечивает общение с учетом специфики его распространенности и имеет инструментальную ценность для обмена идеями и информацией;
3. Объединительная: язык консолидирует социальные и политические структуры страны;
4. Партиципаторная: язык используется в публичных прениях, дебатах, избирательных кампаниях, а также при принятии политических решений и урегулировании конфликтов;
5. Статусная: владение языком обеспечивает положительный, нейтральный или отрицательный эффект с точки зрения вертикальной социальной мобильности;
6. Внешнеполитическая: язык используется для реализации национальных интересов за пределами государства.

⁶ Ugandan ministers to start taking Kiswahili language lessons. *The East African*, October 26, 2022. Available at: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/ugandan-ministers-resolve-to-learn-swahili-3998502> (accessed July 15, 2022).

**Таблица 1. Политические функции суахили
в трех странах восточноафриканского ядра⁷**
**Table 1. Political functions of Swahili in three countries
of the East African core**

	Проявление функции		
Функция суахили	Танзания	Кения	Уганда
Экспрессивно-идентификационная	Суахилийскость воспринимается как понятие, тождественное «танзанийскости» и «африканскости»	Доминирование шенга как гибридного языка городской молодежи Язык аудиовизуального искусства политической направленности	Суахили – язык периферии Неблагополучный исторический фон
Коммуникативная	По всей стране среди всех этнических групп Всего носителей: около 50 млн	По всей стране дискретно, без привязки к этносу Распространенность суахили высока, однако уровень владения им варьируется Всего носителей: около 17 млн	Социально-классовая привязка (силовые структуры) + иммигранты из соседних стран Все больше используется в административной и коммерческой среде Не является <i>lingua franca</i> Точная численность носителей неизвестна
Объединительная	Официальный, государственный язык Поддержка и «снизу», и «сверху» Ослабление этнического самосознания в т.ч. за счет подавления прочих языков Формирование национальной идентичности	Официальный, государственный язык Поддержка «сверху» + интеллектуальной элиты и бизнеса Объединяющий бантусский элемент Расплывчатость понятий «суахилийскость», «суахилийцы» (Pwani si Kenya) Этнонационализм и трайбализм: 45 народностей	Официальный язык Поддержка «сверху» центральным правительством на фоне этнонационализма баганда на западе страны

⁷ Источник: составлено автором.

Партиципаторная	Максимальное вовлечение граждан в политический процесс: выборы, обращения в органы власти, СМИ, программы партий, дебаты в парламенте	Периодически используется в парламентских прениях Все крупные СМИ дублируются на суахили	Незначительная
Статусная	Хорошее знание суахили приветствуется в среде политического и бюрократического истеблишмента	Язык среднего класса, «дельцов» и молодежи. На вертикальную социальную мобильность в большинстве случаев не влияет	Не влияет на вертикальную социальную мобильность
Внешнеполитическая	Один из главных внешнеполитических векторов администрации Дж. Магуфули и С. Хасан Успешная кампания по внедрению в региональных организациях	Зависит от персоналий (ср.: У. Кеньятта vs. У. Руто). В целом не воспринимается как инструмент внешней политики	Используется как реверанс в сторону ВАС Упрочение торговых-экономических связей на уровне малого и среднего бизнеса

Суахили как инструмент региональной коммуникации

По известному среди африканистов выражению, *суахили родился на берегу океана, вырос и окреп в Танзании, заболел в Кении и умер в Уганде*. С некоторыми оговорками нужно признать, что по отношению к современной ситуации эта фраза вполне справедлива. Насколько оправданы надежды на «воскрешение» суахили в восточноафриканском регионе? Языковая политика – это в первую очередь результат политической воли, направленной на изменение и/или укрепление статуса языков с определенной целью. В этом смысле планы Танзании по продвижению суахили представляются не лишенными смысла. Эксплуатируя факт исконно африканского происхождения языка, не связанного с колониальным наследием, а также потребности полиэтнических и многоязычных обществ в этнически нейтральном средстве коммуникации, Додома пытается ответить на насущный для многих африканских стран вопрос: *«Кем мы являемся сегодня?»*. На каких социокультурных основах выстраивать национальное государство, убедительной альтернативы которому на африканском континенте пока никем не выдвинуто?

Уход старых элит, а вместе с ними и всеобъемлющей идеи деколонизации, подтолкнул нынешний политический и интеллектуальный истеблишмент к рефлексии на тему новой концепции развития. Отголоски этой внутренней и не всегда очевидной внешнему наблюдателю работы проявляются в растущем интересе африканцев к своей собственной истории, в периодических

требованиях к бывшим метрополиям выплатить компенсации за преступления колониального времени, в осмыслении своих исторических травм в искусстве и культуре, например, в контексте афрофутуризма. Национальный проект, который предлагает Танзания, основан на принципе эгалитарного развития, сводящем воедино элиты и народ, и суахили выполняет в нем важнейшую партиципаторную функцию, обеспечивая вовлеченность в политический процесс всех без исключения граждан. Кроме того, суахили вписывается в «стратегию ребрендинга» Танзании, национальную культурно-экономическую дипломатию, направленную на позиционирование ее как открытой миру, активно развивающейся и при этом истинно африканской страны с самобытными ценностями социальной сплоченности, коллективизма, мира и безопасности⁸. Укрепление ценностного компонента также может способствовать политике максимальной невовлеченности в крупные конфликты, особенно в условиях возобновления геополитической конфронтации.

Для продвижения и популяризации суахили Танзания использует в первую очередь доступные ей региональные, африканские и международные площадки. Большим достижением администрации С. Хасан можно считать признание суахили первым африканским языком в статусе международного. 23 ноября 2021 г. на 41-й сессии в Париже Генеральная конференция ЮНЕСКО провозгласила 7 июля⁹ Всемирным днем языка суахили и отметила его роль *«в развитии культурного разнообразия и межкультурного диалога»*¹⁰. Изменение статуса языка произошло и на региональном уровне: ВАС, в состав которого на начало 2023 г. входят Танзания, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, ДРК и Южный Судан, в мае 2022 г. утвердило суахили в качестве официального языка наряду с французским (ранее эта прерогатива принадлежала исключительно английскому); в Африканском Союзе он получил аналогичный статус в феврале того же года. С 2019 г. суахили является четвертым официальным языком Сообщества развития Юга Африки. С определенной периодичностью поднимается вопрос об утверждении его в статусе рабочего в рамках Международной конференции района Великих озер (ICGLR), при этом Додома неизменно акцентирует роль суахили как языка мира и безопасности в этом неспокойном регионе и как связующего звена для всей Африки¹¹. Действительно, суахилиговорящее население в разном процентном соотношении проживает не только в Танзании, Кении и Уганде, но и в Руанде, Бурунди, ДРК, Южном Судане, Сомали, Мозамбике, Малави, Замбии, на Коморских Островах.

⁸ The Tanzania Development Vision 2025. *TZOnline* (n.d.). Available at: <http://www.tzonline.org/pdf/theTanzaniadevelopmentvision.pdf> (accessed July 21, 2022).

⁹ 7 июля 1954 г. – дата официального провозглашения суахили в качестве официального языка борьбы за независимость Танганьики партией ТАНУ.

¹⁰ World Kiswahili Language Day. *UN Web TV*, July 7, 2022. Available at: <https://media.un.org/en/asset/k1d/k1dpetbhd5> (accessed July 30, 2022).

¹¹ Tanzania pushes for Kiswahili use in the Great Lakes. *The Citizen*, October 17, 2019. Available at: <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/national/tanzania-pushes-for-kiswahili-use-in-the-great-lakes-2694824> (accessed July 21, 2022).

Второй козырь Танзании – почти болезненное отношение многих африканских стран к проблеме образования, повышению всеобщей грамотности. Именно при кабинетах Дж. Магуфули и С. Хасан подписываются меморандумы об изучении суахили в качестве элективной дисциплины в школах Эфиопии, Намибии, ЮАР, причем характерно, что ни в одной из этих стран он не просто не является автохтонным, но и, что самое важное, не имеет традиции преподавания или говорения. Продолжительные усилия в рамках академической дипломатии привели на сегодняшний момент не только к экспериментам в рамках школьного образования, но и к началу преподавания суахили в рамках университетских программ в Руанде, Бурунди и Зимбабве. Суахилийские «программы от бакалавриата до аспирантуры [...] сформировали солидный задел для использования языка как почвы для интеллектуального дискурса, а [учебные] заведения стали важной частью более масштабных усилий по выстраиванию регионального единства и идентичности»¹².

Разговор об интеллектуальном дискурсе был бы неполным без упоминания широкой поддержки языковой политики со стороны восточноафриканской академической элиты, сконцентрированной в ассоциациях по стандартизации, развитию и продвижению языка на страновом (*BAKITA*, *BAKIZA* в Танзании, *CHAKITA* в Кении, *CHAKU*, *CHAUKITA* в Уганде), региональном (*CHAKAMA*) и международном (*CHAUKIDU*) уровнях. За пределами Восточной Африки наиболее активны диаспоры в США, где суахили преподается в более чем в ста университетах, причем нельзя утверждать, что этот ресурс задействуется для лоббирования танзанийских или восточноафриканских интересов. Также начиная с 1970-х гг. суахили стал языком, на котором проходит праздник Кванзаа – афроамериканский Новый год, символизирующий обращение чернокожих диаспор к своим корням. Выбор в пользу именно суахили в данном случае был продиктован «синкретическим происхождением» как этого языка, так и самих афроамериканцев, считающих своей родиной «весь африканский континент» (Karenga, 1997).

Наконец, новым элементом в вопросе распространения суахили можно считать медийную экспансию. В апреле 2023 г. официально объявлено о согласовании модальностей по проекту обучения сотрудников для суахилийской службы вещателя *Voice of Nigeria* («Голос Нигерии»). Несмотря на то, что крупнейшие мировые СМИ, такие как *Deutsche Welle*, *Voice of America*, *BBC*, *Vatican Radio*, *CRI* (Китай), *TRT* (Турция) и другие в большинстве своем уже не первый год производят суахилиязычный контент, сами восточноафриканские государства до последнего времени не проявляли интереса к вещанию на суахили за пределами региона.

¹² Promotion of the Use of Kiswahili as a Working Language in the Great Lakes. International Conference on the Great Lakes Region, August 2006. Available at: https://www.icglr.org/images/pdf_files/promotion-kiswahili.pdf (accessed 24.07.2022)

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что в Танзании суахили зарекомендовал себя в мировоззренческом и прикладном ключе как часть национального проекта и как инструмент распространения культурного влияния государства. В Кении и Уганде ситуация иная: на государственном уровне поддержка языка реализуется менее убедительно и последовательно. На фоне фактической монополизации Додомой суахилийской повестки, остальные две страны восточноафриканского ядра идут в танзанийском фарватере по двум причинам. Во-первых, как видно из исторической ретроспективы, в этих странах суахили не получил такого же распространения, как в Танзании. Во-вторых, если современная Кения в значительной степени увязывает свое будущее с западными идеалами развития (что препятствует ее более основательной суахилизации), то в Уганде существуют мощные этноязыковые и историко-символические барьеры.

Идея трансграничного суахилийского сообщества пока находится на самых ранних стадиях концептуализации. По уровню структурированности, идейной наполненности и ресурсности она несопоставима, например, с тюркским проектом сотрудничества. В настоящий момент она заточена, скорее, под более прагматичные, почти маркетинговые, задачи экономической и культурной дипломатии. Однако ее созвучность антинеоколониальному дискурсу и значимость для нарратива идентичности рисуют эскиз того, как может выглядеть и на каких основах выстраиваться один из вариантов бантуасского культурно-цивилизационного пространства будущего.

Список литературы

1. Касимов Р.Х., Акулич М.М. (2022) Ареальная языковая политика. *Полис. Политические исследования* 1: 86–101.
2. Кудряшова И.В., Харитоновна О.В. (2020) *Метаморфозы разделенных обществ*. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет), 284 с.
3. Мухарямов Н. М. (2017) Политика языка и языковая политика. В: Семененко И.С. (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика: 677–684*.
4. Никольская М.В. (2022) Языковая политика как инструмент трансформации этнополитического конфликта в Руанде. *Политика идентичности* 2 (23): 86–105. DOI: 10.31429/26190567-23-2-86-105.
5. Тишков В.А. (2016) Языки нации. *Вестник Российской академии наук* 4 (86): 291–303.
6. Bondarenko D.M. (2022) Historical and Cultural Aspects of the Formation of Nations in Postcolonial States of Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 92(1): 96–105. DOI: 10.1134/S1019331622010014.
7. Brandberg A.A. (2021) *Language For All? Kiswahili as a Tool For Unity: Problematizing the East African Community's Language Policy*. Lund University.
8. Brubaker R. (2013) Language, Religion and The Politics of Difference. *Nations and Nationalism* 19(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x.
9. Chacha D.M. (2023) Julius Nyerere: The Intellectual Pan-Africanist and the Question of African Unity. *African Journal of International Affairs* 5(1 & 2): 20–39. DOI: 10.4314/ajia.v5i1-2.57195.

10. Ekeh P.P. (1975) Colonialism and the Two Publics in Africa: A Theoretical Statement. *Comparative Studies in Society and History* 17(01): 91–112. DOI: 10.1017/S0010417500007659.
11. Faksvåg Haugen A.D. (2022) Education for Development: The Tanzanian Experience. *Development Education and the Economic Paradigm* 35: 34–55.
12. Fenigsen J. (1998) Post-Imperial English: Status Change in Former British and American Colonies, 1940–1990. *Journal of Linguistic Anthropology* 8(2): 255–257. DOI: 10.1525/jlin.1998.8.2.255.
13. Hanlon J.F. (1974) *Amin: His Seizure and Rule in Uganda*. University of Massachusetts Amherst. DOI: 10.7275/7823930.
14. Isingoma B. (2017) Languages in East Africa: Policies, practices and perspectives. *Sociolinguistic Studies* 10(3): 433–454. DOI: 10.1558/sols.v10i3.27401.
15. Karenga M. (1997) *Kwanzaa: A Celebration of Family, Community and Culture*. Los Angeles: University of Sankore Press.
16. Kavina A. (2020) Positive and Negative Aspects of Globalization in Nation Building in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*: 59–70. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-59-70.
17. King'ei K. (2018) Kiswahili in the Technical Age: Lessons from Kenya's Use of Kiswahili in the Legal and Parliamentary Registers. *Lwati: A Journal of Contemporary Research* 15(2): 102–118.
18. Kische A.M. (2004) Kiswahili as Vehicle of Unity and Development in the Great Lakes Region. In: Muthwii MJ and Kioko AN (eds) *New Language Bearings in Africa*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, pp. 122–134. DOI: 10.21832/9781853597282-011.
19. Kudryashova I. (2017) Comparative Analysis of the Development of Political Systems of Turkey, Egypt, Iran and Iraq. In: *Is Non-Western Democracy Possible?* World Scientific, pp. 175–235. DOI: 10.1142/9789813147386_0006.
20. Mazrui A.A. and Tidy M. (1984) *Nationalism and New States in Africa from about 1935 to the Present*. Nairobi: Heinemann.
21. Merritt M., Abdulaziz M.H. (1985) Swahili as a National Language in East Africa. In: Florian Coulmas (eds) *What are National Languages Good for?*
22. Newitt M.D.D. (1995) *A History of Mozambique*. Bloomington: Indiana University Press.
23. Njubi F.N. (2009) Remapping Kiswahili: A Political Geography of Language, Identity and Africanity. In: *African Studies in Geography from Below*. CODESRIA, pp.105–131.
24. Nyaigotti-Chacha C. (1987) The Uganda Problem: A Linguistic Perspective. *Ufahamu: A Journal of African Studies* 15(3): 176–183. DOI: 10.5070/F7153016981.
25. Orvis S. (2001) Moral Ethnicity and Political Tribalism in Kenya's 'Virtual Democracy'. *African Issues* 29(1/2): 8. DOI: 10.2307/1167103.
26. Rivkin A (1969) *Nation-Building in Africa: Problems and Prospects*. New Brunswick, N.J: Rutgers University Press.
27. Whiteley W.H. (1969) *Swahili: The Rise of a National Language*. Repr. Studies in African history 3. London: Methuen.

POLITICAL DIMENSION OF SWAHILI IN EAST AFRICA: COUNTRY AND REGIONAL ASPECTS

Maya V. NIKOLSKAYA – Language Instructor, Department for Indo-Iranian and African Studies, Junior Research Fellow, Center for Middle Eastern and African Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-3160-112X. E-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received July 19, 2023

Accepted October 1, 2023

Abstract: Kiswahili is an East African Bantu language with around 150 million speakers, including those for whom it is a mother tongue or a language of confident proficiency. Its historical geographic domain spans Tanzania, Kenya and Uganda. All three were part of British East Africa from the early 1920s up until decolonization. At present, their shared history, culture, geographical proximity and integration aspirations make them the core countries in the region. It would be logical therefore to assume that the position of Kiswahili should be growing stronger, yet in reality its status, functions and spread differ across all the three countries. This article seeks to identify the reasons for this phenomenon and analyze whether Kiswahili has the right potential to become a tool for regional political communication and integration.

Keywords: language policy, East Africa, identity, nation building, integration, Kiswahili

References:

1. Bondarenko D.M. (2022) Historical and Cultural Aspects of the Formation of Nations in Postcolonial States of Africa. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 92(1): 96–105. DOI: 10.1134/S1019331622010014.
2. Brandberg A.A. (2021) *Language For All? Kiswahili as a Tool For Unity: Problematizing the East African Community's Language Policy*. Lund University.
3. Brubaker R. (2013) Language, Religion and The Politics of Difference. *Nations and Nationalism* 19(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x.
4. Chacha D.M. (2023) Julius Nyerere: The Intellectual Pan-Africanist and the Question of African Unity. *African Journal of International Affairs* 5(1 & 2): 20–39. DOI: 10.4314/ajia.v5i1-2.57195.
5. Ekeh P.P. (1975) Colonialism and the Two Publics in Africa: A Theoretical Statement. *Comparative Studies in Society and History* 17(1): 91–112. DOI: 10.1017/S0010417500007659.
6. Faksvåg Haugen A.D. (2022) Education for Development: The Tanzanian Experience. *Development Education and the Economic Paradigm* 35: 34–55.
7. Fenigsen J. (1998) Post-Imperial English: Status Change in Former British and American Colonies, 1940–1990. *Journal of Linguistic Anthropology* 8(2): 255–257. DOI: 10.1525/jlin.1998.8.2.255.
8. Hanlon J.F. (1974) *Amin: His Seizure and Rule in Uganda*. University of Massachusetts Amherst. DOI: 10.7275/7823930.

9. Isingoma B. (2017) Languages in East Africa: Policies, Practices and Perspectives. *Sociolinguistic Studies* 10(3): 433–454. DOI: 10.1558/sols.v10i3.27401.
10. Karenga M. (1997) *Kwanzaa: A Celebration of Family, Community and Culture*. Los Angeles: University of Sankore Press.
11. Kavina A. (2020) Positive and Negative Aspects of Globalization in Nation Building in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*: 59–70. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-50-1-59-70.
12. Kasimov R.Kh., Akulich M.M. (2022) Areal'naya yazykovaya politika [Areal language policy]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Poliz. Policy Studies] 1: 86–101. (In Russian).
13. King'ei K. (2018) Kiswahili in the Technical Age: Lessons from Kenya's Use of Kiswahili in the Legal and Parliamentary Registers. *Lwati: A Journal of Contemporary Research* 15(2): 102–118.
14. Kische A.M. (2004) Kiswahili as Vehicle of Unity and Development in the Great Lakes Region. In: Muthwii MJ and Kioko AN (eds) *New Language Bearings in Africa*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, pp. 122–134. DOI: 10.21832/9781853597282-011.
15. Kudryashova I. (2017) Comparative Analysis of the Development of Political Systems of Turkey, Egypt, Iran and Iraq. In: *Is Non-Western Democracy Possible?* World Scientific, pp. 175–235. DOI: 10.1142/9789813147386_0006.
16. Kudryashova I.V., Kharitonova O.V. (2020) *Metamorfozy razdelennykh obshchestv* [Metamorphoses of Divided Societies]. M.: Moscow State Institute of International Relations (University), 284 p. (In Russian).
17. Mazrui A.A. and Tidy M. (1984) *Nationalism and New States in Africa from about 1935 to the Present*. Nairobi: Heinemann.
18. Merritt M., Abdulaziz M.H. (1985) Swahili as a National Language in East Africa. In: Florian Coulmas (eds) *What are National Languages Good for?*
19. Mukharyamov N. M. (2017) Politika yazyka i yazykovaya politika [Language policy and language policy]. In: Semenenko I.S. (ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: Personality, Society, Politics]: 677–684. (In Russian).
20. Newitt M.D.D. (1995) *A History of Mozambique*. Bloomington: Indiana University Press.
21. Njubi F.N. (2009) Remapping Kiswahili: A Political Geography of Language, Identity and Africanity. In: *African Studies in Geography from Below*. CODESRIA, pp.105–131.
22. Nikolskaya M.V. (2022) Yazykovaya politika kak instrument transformatsii etnopoliticheskogo konflikta v Ruande [Language policy as a tool for transforming the ethnopolitical conflict in Rwanda]. *Politika identichnosti* [Identity Politics] 2(23): 86–105. DOI: 10.31429/26190567-23-2-86-105. (In Russian).
23. Nyaigotti-Chacha C. (1987) The Uganda Problem: A Linguistic Perspective. *Ufahamu: A Journal of African Studies* 15(3): 176–183. DOI: 10.5070/F7153016981.
24. Orvis S. (2001) Moral Ethnicity and Political Tribalism in Kenya's 'Virtual Democracy'. *African Issues* 29(1/2): 8. DOI: 10.2307/1167103.
25. Rivkin A. (1969) *Nation-Building in Africa: Problems and Prospects*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
26. Tishkov V.A. (2016) Yazyki natsii [Languages of the Nation]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences] 4 (86): 291–303. (In Russian).
27. Whiteley W.H. (1969) *Swahili: The Rise of a National Language*. Repr. Studies in African history 3. London: Methuen.